

V. ИСТОЧНИКИ

УДК 930.2

В.Г. Томилов

СОВРЕМЕННАЯ СИБИРСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Сделана попытка определения значения художественной литературы как исторического источника на примере творчества В.П. Астафьева и других современных писателей.

Ключевые слова: художественная литература, исторический источник

Некоторые историки недооценивают значение художественной литературы, и это сказывается на результатах их работы не лучшим образом. Примером такой недооценки может служить и солженицынское «Красное колесо». При создании этого «повествования» об Октябрьской революции он попытался «переписать» («Я вижу лучше! Я вижу дальше!») даже «Бесов» Достоевского, не говоря уже о Чернышевском, Горьком, Маяковском, Пастернаке, Галиче... Не будет преувеличением сказать, что основное содержание их художественных произведений было Солженицыным проигнорировано. Использовались в качестве исторического источника лишь некоторые (далеко не лучшие) статьи Достоевского. В результате писатель остался без читателей. Его попытка собственного чтения «Колеса» по радио и телевидению не вызвала особого интереса. Само произведение оказалось разножанровым и неоднозначным по части хронологии: начавшись как художественная повесть, оно завершилось историческим повествованием «200 лет вместе», в котором уже утверждалось, что Октябрьская революция началась не в «августе 14-го», а еще в XIX веке и что она была не русской («ведущие большевики не были русскими по духу»), а еврейской («разрушительная, антигосударственная деятельность сплоченной еврейской массы, её непримиримая ненависть ко всему русскому и неразборчивость в средствах»). В результате был реанимирован миф о «сионских мудрецах» как главной движущей силе Октября и получилось что-то вроде нового варианта «Протоколов сионских мудрецов», т.е. в философско-историческом плане был сделан шаг назад даже от бердяевских «Истоков и смысла русского коммунизма».

Конечно, игнорирование художественной литературы как исторического источника было не единственной причиной этой неудачи, но оно тоже сыграло отрицательную роль и продолжает играть при освещении революционных событий конца 1980 – начала 90-х годов. Если верить Солженицыну, то никакой революции в это время у нас не произошло: как оказалась Россия в 1917 г. в «обвале», так и продолжает в нем находиться по сей день, как правили бал в ней «бесы», так и продолжают править. И в этом заблуждении он не одинок.

Горький как-то заметил, что поэты и писатели иногда бывают лучшими и большими историками, чем специалисты-историки. Энгельс в этой связи писал о Бальзаке, что из его произведений он узнал о современной истории даже в смысле экономических деталей больше, чем из книг историков, экономистов, статистиков вместе взятых. Ибо история не исчерпывается политикой и экономикой. Бытие определяет сознание. Но не менее верно, что и сознание определяет бытие. Как человек думает, как отвечает на вопрос «Что такое хорошо и что такое плохо?» – так и поступает. И дурная голова ногам покоя не дает. Художественная литература становится незаменимым историческим источником при изучении духовной стороны исторических процессов, мировоззренческих кризисов, перемен убеждений. «История пустой души» – таким было первоначальное и более точное название горьковской «Жизни Климита Самгина».

Не является исключением в этом смысле и современная сибирская литература. Виктор Астафьев, например, тоже пережил последнюю нашу революцию и перемену убеждений как факт собственной биографии. А это поважнее «экономических деталей». По его произведениям можно совершить путешествие из СССР в новую Россию. И чтобы убедиться, что этот путь был непростым, достаточно сравнить, скажем, его роман «Тают снега» (1958) с рассказом «Не хватает сердца» (1990). Между ними был настоящий «переворот в сознании и жизни» (его слова).

В «Снегах» он недалеко ушел от шолоховской «Поднятой целины» и других подобных «партийных» произведений, при создании которых партия была вдохновителем, направителем и цензором и в которых главными героями были коммунисты, трудовой энтузиазм и соцсоревнование. В рассказе «Не хватает сердца», оказавшемся в 1970-е исключенной главной главой «Царь-рыбы» и вошедшей в неё лишь в 1993 г., и «партийность» писателя, и герои «Снегов» поставлены под большой вопрос. В нем говорится о «пагубных последствиях соцреализма» и осуществления «диалектики», о «советском колхознике, у которого можно забрать всё и ничего ему не давать», о «дьявольском уме» гулаговского начальства, садистах-конвоирах и эскадрильях, о предсказанных Достоевским одичании и деморализации, доходящей до людоедства, о религиозном характере коммунистического эксперимента («может, господь хочет нас наглядно истерзать, измучить, озверить, чтобы другие народы забоялись нашего безверия, нашей беспутности, разброда») и о том, что, хотя нам порой и «не хватает сердца» для преодоления негативных последствий эксперимента, «добродетель и терпение разоружают, изведут злодейство». И в статье «Подводя итоги» он писал в данной связи: «Русь, сколь бы её не превращали большевики в империю зла, стояла и держалась добрыми людьми. Тот же, чумазы в саже и дыму стоящий городишко Чусовой, соседний с ним город Лысьва, да и весь Урал горемычный – что бы они были без трудолюбивых, всё переносящих людей, из которых и вправду гвозди делали, в бараний рог гнули, судили, садили, давили, чтоб окончательно превратить в подъяремный скот, в мычащую тягловую массу, пронумерованную комиссарами и помещенную под охрану в казенную стойку или конюшню. Да, много благодетели сделали, выполняя учение по не-

слыханному эксперименту над народом, который «не жалко», много и он зла сделал свету и породил бесчеловечности, сам дойдя до неслыханного остервенения, но своим примером, своим тяжким путем он спас весь остальной мир, указав, что дорога, которой он следовал 70 с лишним лет, – гибельна, навязанный России путь – тупиков» [1].

«Переворот в сознании и жизни», как видим, состоял в переходе от «соцреализма» к критическому реализму, от марксизма, который оценивается теперь как «красная чума» и «сошествие антихриста на землю», к неохристианству или к христианству, обогащенному опытом его отрицания, словом, от «Катехизиса революционера» к «Исповеди кающегося грешника». В одном из интервью 1990 г. автор «Не хватает сердца» в этой связи прямо сказал: «Люди устали от боевых лозунгов, от братопрезрения. Пора от новомодных призывов поворачиваться к заповедям Христа – они ведь зовут к миру, братству и добру, вечным и нетленным истинам, вера в которые способна образумить и спасти нас» [2]. Он писал: «На войне стрелял в людей, работая в газете и на радио, поганил души человеческие и прежде всего свою, крал людское доверие к добру, осквернял слово». И в интервью «Аргументам и фактам», опубликованном под названием «Последнее напутствие», Астафьев сказал в этой связи: «Верю ли, что Россия выправится? ...Конечно, хотел бы надеяться на чудо, которое еще раз Бог сотворит. Но мы так его прогневили, столько раз оплевывали его Лик, оскорбляли Божий глас, что, кажется, он всё дальше уходит от нас и отворачивается всё больше и больше. Нам нужно покаяние, всем нам, всему народу. Есть ли чувство своей собственной вины? Конечно, как и у всякого участника этого жизненного процесса, да еще занимавшегося писательством, которое воздействовало на народ, на порчу его вкуса, на его падение и грехопадение. Я это признаю, но ведь чувство вины есть не только у писателей, а у всех путевых людей – за то, что участвовали в этом процессе, поощряли его, соглашались с ним, голосовали, поддерживали» [3]. Как и всякий кризис, он был отягощен, по словам Астафьева, срывами, провалами и «досадными недоразумениями». Не вполне свободна от них и упомянутая статья. Автор был бы более прав, если б написал не «навязанный», а «избранный Россией путь», ибо был выбор между двумя путями («Налево дорога, направо дорога – два разных, на выбор, пред нами пути»), и мы выбрали тогда Ленина и коммунизм.

Бывают эпохи, как бы находящиеся на границе двух противоположных миров. Это – состояние междуцарствия и двоевластия: старая система ценностей уже не удовлетворяет, но продолжает действовать по инерции; новая – еще не удовлетворяет, но вторгается в жизнь и борется со старой. Волна скептицизма размывает старое мировоззрение, в общественном сознании возникают пустоты, которые заполняются порой чудовищами суеверия и разными идеологическими псевдоморфозами, в том числе и подвергшимися мутации продуктами распада. Природа не терпит пустоты. «Досадные недоразумения» и псевдоморфозы дают о себе знать даже в «Царь-рыбе», «Печальном детективе» и «Зрячем посохе», не говоря уже об известном ответе Виктора Астафьева на письмо историка Н. Эйдельмана, в котором писатель взял «ноту зла» и выступил «антисемитом большим» (его слова).

Будучи изгнанными в дверь, старые представления меняли одежду и влезали в окно. И автор «Проклятых и убитых» был в этом тоже не одинок. Не последнюю роль сыграли в его «срывах», судя по всему, А. Солженицын, М. Лобанов и В. Кожин, которых он считал более образованными учителями. Первый вариант «200 лет» был написан Солженицыным еще в 1968 г. и назывался «Евреи в СССР и будущей России» [4]. Влияние его «Образованщины», опубликованной в сборнике «Из-под глыб» в 1974 г., дало о себе знать в довольно сомнительном образе студента-геолога Томского университета Гоги Герцева («Царь-рыба»). Правда, в издании 1993 г. автор пытался исправить ошибку новой главой «Не хватает сердца», в которой появился положительный «философ-ученый». Но что написано пером, то не вырубишь и топором. Между главами возникло противоречие, и «не хватило сердца» его преодолеть. В одном из интервью Астафьев сказал в данной связи, что, несмотря на все усилия, ему так и не удалось «до конца истребить, вытравить из себя советского раба» [5]. Нынешний главный редактор «Нашего современника» С. Куняев привел в «Книге воспоминаний» некоторые факты, связанные с увольнением Астафьева по собственному желанию из редколлегии журнала. На 7-м съезде писателей РСФСР он получил от Астафьева записку: «Станислав! Я очень тебе советую внимательно перечитать все свои выступления последних лет и немного подумать над тем, кто ты есть?». И далее Куняев пишет: «Я в перерыве подошел к Астафьеву и начал разговор о его переписке с Эйдельманом. Он резко оборвал меня: «А сейчас, Станислав, я такие письма, может быть, уже не стал бы писать!» [6. С. 104]. И в одном из опубликованных в «Нашем современнике» (1996, № 11) писем он объяснил свое увольнение тем, что журнал «куда-то на сторону унесло ... в зловонную помойку, оставленную нам в наследство от недавнего прошлого». Иносказательно говорилось об этом и в его рассказе «О хитроумном идалго», напечатанном в № 8 «Москвы» за 1989 г. И в итоговой статье «Подводя итоги» он написал о «злобствующих патриотах, которым рыбьей костью поперек горла стала так называемая демократия, возможность жить, мыслить и работать самостоятельно»: «На Руси святой, более всех других государств пострадавшей от немецкого фашизма, расправляет крылья, каркает и готов взлететь фашизм советский, уже идеологи свои появились... И это снова от имени народа делается недобитыми коммунистами и воротилами, готовыми ввергнуть его в пучину кровавых бедствий» [1. С. 63].

Присутствовал он и в новой главе. Попытка изображения происходившей в обществе перемены убеждений была смелой и новаторской, но соавторство прежнего внутреннего цензора и гиперкритицизм по отношению к литературе 1930-х гг. («Жизнь Клима Самгина», «Тихий Дон», «Золотой теленок», «Краткий курс истории ВКП(б)» и др.), продиктованный (как и в «Докторе Живаго» Пастернака) необходимостью исправления допущенной предшественниками кривизны, сказались не лучшим образом. 1930-е гг. для радикальной переоценки ценностей были не очень-то подходящими, как и «Да здравствует товарищ Сталин!» в устах пережившего духовную революцию, бывшего красного кавалериста и ээка 1930-х Хромого. Почти ничего не сказано о причинах и проявлениях этой революции, христианство Хромого

появляется несколько неожиданно и не очень убеждает... И всё же в «Не хватает сердца», «О хитроумном идальго», в «Проклятых и убитых» и «Так хочется жить» сказано об этой революции и перемене убеждений больше, чем в солженицынской «России в обвале» или в вузовском учебнике А. Барсенкова и А. Вдовина «История России 1917–2007». Традиционный акцент на бытии, которое определяет сознание, обернулся у них явной недооценкой сознания, определяющего бытие, и духовной революции, предшествовавшей политико-экономической.

Чтобы показать, что среди нырявших в глубины нашей новейшей истории сибирских писателей Виктор Астафьев был не одинок, сошлюсь на томского поэта Александра Маслова [7. С. 188–189].

Он тоже мог бы поставить здесь в качестве эпиграфа слова Вл. Соловьева из письма к Е.К. Селевиной, в котором философ рассказал, как он, подобно блудному сыну, вернулся к Богу и стал «сознательным христианином». «Молитва» была написана почти одновременно с «Царь-рыбой», и её лирический герой тоже жалуется Богу, что для подвига ему «не хватает сердца», и, как и эта глава, она увидела свет лишь в начале 1990-х гг. И человек, закончивший в 1950-е гг. юридический факультет Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева и отбывший 25 лет не только рядовым членом, но и секретарем парторганизации КПСС, пришел к такому пониманию тоже, надо полагать, не в школе. Возрождение жанра молитвы без вышеуказанной перемены убеждений и в этом случае едва ли было возможно. Скорее оно – тоже результат борьбы противоположностей и «драмы идей». И нетрудно догадаться, о каком «драконе» идет речь. Тема получила развитие в «КПСС», «Советской власти», «Российских пророках», «Поддержим Президента» и других его стихах:

Нет предела восхваленьям,
Бесстыдству лести, грубой лжи,
Когда всплывут в тех песнопеньях
Партийных съездов миражи...

Если б Брежневу доложили об этих стихах, то, возможно, он не сказал бы на Политбюро, что в Сибири нет диссидентов.

И нельзя сказать, что Астафьев и Маслов, как и пережившие подобную перемену убеждений Достоевский и Вл. Соловьев [8–9], сегодня устарели. Социологические исследования показывают, что волновавший Ивана Карамзова вопрос «Есть ли Бог?» не менее интересует и нынешнюю молодежь. Среди «очень важных» ценностей у молодых сибиряков-тюменцев «религия» заняла 3-е место (85,5%), «любовь» – 5-е (60,3%), «мораль, нравственность» – 7-е (47,1%), тогда как «наука» – лишь 12-е (34,8%) [10]. Причем под религией они понимают, судя по всему, не «коммунистическую религию», а христианство и близкие ему системы ценностей («Выступая против религии, человек погружается в пучину гордыни и аморализма: Бога нет, значит, всё дозволено»).

Опросы последних лет не подтверждают мнения о том, что сегодня у нас повторяется российская ситуация конца XIX – начала XX в. Да, там тоже был кризис, но направленность выхода из него была другая, прокоммунистическая. Скептик Самгин там превращался в коммуниста Власова. Сегодня

для большинства россиян этот выбор, как показали и последние президентские выборы, является неприемлемым, и героем нашего времени стал Иван Карамазов, т. е. движение в противоположном направлении: от Власова к Зосиме, от марксизма к неохристианству. По данным исследований читательских предпочтений, проведенных сотрудниками НИИКСИ СПб ГУ в 2002, 2003, 2005, 2006 гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, на 1-м месте у петербургской молодежи оказался Ф. Достоевский, на 2-м – М. Булгаков, на 3-м – А. Пушкин. Среди других писателей-классиков чаще называли Л. Толстого, М. Лермонтова, С. Есенина и И. Тургенева [11. С. 39]. Выражением подобной направленности могут служить и некоторые доклады на Духовно-исторических чтениях, посвященных Дням славянской культуры 1993, 1996, 1997 гг., на Копнинских чтениях 1997 г., на Всероссийской научной конференции «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» 2002 г. [12–16]. Ленин в 1918 г. вычеркнул Вл. Соловьева из списка деятелей культуры, которым предполагалось поставить памятники, лишил его права на известность в числе первых. В № 2 «Вопросов философии» за 2008 г. опубликовано обращение ученого совета Института философии РАН и президиума Российского философского общества, призывающее философов, друзей и почитателей русской философии внести «посильный вклад» в сбор необходимых 6 млн руб. «на памятник В.С. Соловьеву». В 2000 г. Институт философии РАН при поддержке РГНФ начал издание полного собрания сочинений и писем философа в 20 томах.

Так что ни Соловьев с Достоевским, ни продолжившие их традицию современные сибирские писатели не устарели, и правы авторы книги о современном источниковедении, написавшие о художественной литературе, что в случае игнорирования этого источника картина исторического мира будет неполной [17].

Литература

1. Астафьев В. Собр. соч.: В 15 т. Красноярск, 1997. Т. 1.
2. Литературная газета. 1990. 26 сент.
3. Аргументы и факты. 2001. № 49.
4. Резник С. Вместе или врозь? Судьба евреев в России (заметки на полях диалогии А.И. Солженицына). М., 2005.
5. Книжное обозрение. 2000. № 10.
6. Наш современник. 1999. № 8.
7. Александр Маслов. Сочинения: В 3 т. Т. 1: Стихи 1944–1994 год. Самиздат. С. Зырянское Томской области, 1994.
8. Профессионализм и культура личности: опыт междисциплинарного исследования. Томск, 2007. С. 35–51
9. Пантин В.И., Столярова Т.Ф. Вырождение или возрождение? Философские эссе о современной культуре и о творчестве Достоевского, Толкина, Ортеги-и-Гассета. М., 2006.
10. Социологические исследования. 2006. № 12. С. 105–110.
11. Социологические исследования. 2007. № 4.
12. Сухотин А.К., Чухно Т.А. Методы и догматы религиозной схоластики в научном поиске // Культура отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1993. Вып. 1.
13. Сухотин А.К. Религия как элемент культуры // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1988.

14. *Аванесов С.С.* Богословие и философия: очевидные различия и неявное сходство // II Копнинские чтения. Томск, 1997
15. *Чухно Т.А.* К вопросу об истинности научной истины // II Копнинские чтения. Томск, 1997.
16. *Аванесов С.С.* Христианство как программа переоценки ценностей // Исторические корни российской ментальности. Томск, 2002.
17. *Источниковедение* новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004.